

Г.В. Москвин

**«Зачем я так упорно добиваюсь любви?..»
(Суть любовной интриги Печорина в «Княжне Мери».
К вопросу о духовном основании сюжета)**

Аннотация: В статье рассматривается главный для понимания смысла повести «Княжна Мери» вопрос: что определяет суть любовной интриги произведения и поведения Печорина – игра, забава или она строится на более серьезном основании. Автор приходит к выводу, что глубинная основа сюжета строится на Евангельском повествовании от Иоанна (4, 5 главы), а также этико-философской системе художественных взглядов Лермонтова, состоящей из концептов «презрение – ненависть – любовь». Названные факторы определяют проблематику и жанровую структуру повести.

Ключевые слова: Лермонтов, «Княжна Мери», Печорин, интрига, смысл, ненависть, любовь

Abstract: The article considers the main question which lead to proper understanding Lermontov's story «Knyazhna Meri» that aims to the very base of the story's love intrigue, whether it is a play, fun or more serious issue? The author concludes that the most profound layer of the plot is built on Gospel (John 4, 5 chapters) and ethical-philosophical system of Lermontov's artistic ideas which consists of concepts «despite, hatred, love». Above mentioned factors determine problematics and genre structure of the story.

Key words: Lermontov, «Knyazhna Meri», Pechorin, the intrigue, sense, hatred, love

Сюжет оболыщения княжны Мери в одноименной повести располагается между двумя описаниями взгляда героини. Первое (дневниковая запись от 11 мая): «Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором. Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо, с чем я внутренне от души его поздравил» [1, VI: 265]. Вторая (запись от 15 июня): Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; пе-

ред нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...» [1, VI: 316].

Названный сюжет, если брать в основу характеристику взгляда княжны, т. е. проследить динамику его изменения (направленность, эмоция, настроение), имеет следующую композицию: завязка происходит в записи от 11 мая, при этом взор, брошенный на Грушницкого, служит не только поводом для начала игры, но и означает ошибку, драматическую для княжны и трагическую для героя, так как героине придется раскаться за нее, а Печорину – утратить все, что связывает человека с жизнью (он убивает врага – Грушницкого, от него отшатывается друг (приятель) – доктор Вернер, его покидает возлюбленная – Вера, и он расстается с надеждой на любовь – княжна Мери. Логика развития сюжета определяется авторской стратегией поведения Печорина, которая заключается в последовательном переводе взгляда девушки с Грушницкого на себя. Так, описание каждого следующего взгляда княжны представляет новый эпизод как этап в отношениях героев [2: 152–155]. Катастрофическое значение первого взгляда героини на Грушницкого так велико для Печорина, что он стремится как бы повернуть время вспять, вернуть мир в состояние до того взгляда, поэтому и вся история отношений *Печорин – княжна Мери* размещена между фразами: «Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо» [1, VI: 265] и «Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали» [1, VI: 337]. Однако сюжет обольщения не совпадает с историей отношений героев, иначе говоря, далеко ее не исчерпывает.

Поведение Печорина в сюжете обольщения, по мнению многих исследователей, – игра; наиболее авторитетное мнение принадлежит Э.Г. Герштейн [3: 43–45]. Композиция этого сюжета следующая: роль экспозиции выполняет встреча (запись от 11 мая); завязки – запись от 13 мая со словами: «Завязка есть! – закричал я в восхищении: – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится об том, чтоб мне не было скучно» [1, VI: 271]. Кризис плана Печорина, его тактики в отношении княжны приходится на сцену бала (запись от 22 мая), когда план героя оказался на грани крушения. В эпизоде любовной психологической борьбы между героями автор показывает, насколько близка к победе княжна:

Это значит, подумал я, что их двери для меня навсегда закрыты.

– Знаете, княжна, – сказал я с некоторой досадой, – никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда... [1, VI: 286].

Но неожиданное появление пьяного господина прервало фразу Печорина, которая, вероятнее всего, содержала бы нечто неприятное для княжны, после которой продолжение игры едва ли было возможным или успешным. Однако благодаря этому вмешательству Печорин получает возможность «спасти княжну от обморока на бале», другими словами, получает нечаянную помощь, и в сюжете обольщения возникает равновесие: ситуация изменяет-

ся в пользу Печорина, и ему остается теперь избавиться от соперника, чего он искусно достигает: княжна изменяется в своем интересе к Грушницкому, начиная отдавать предпочтение главному герою. После усмирения пьяного господина, в самый разгар интриги, момент внутреннего выбора княжны сопровождается фразой: «Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и наконец произнесла решительно: все!» [1, VI: 288], отрицая этим словом всех своих ухажеров. Кульминационный эпизод в сюжете обольщения приходится на запись от 7-го июня: «Я сделал несколько шагов... Она выпрямилась на креслах, глаза ее засверкали...» [1, VI: 305], после чего события необратимо стремятся к развязке, которая наступает в записи от 12 июня, в сцене, означавшей, что герой одержал полную победу, влюбив в себя княжну:

Поутру я встретил княжну у колодца.

– Вы больны? – сказала она, пристально посмотрев на меня.

– Я не спал ночь.

– И я также... я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

– Все ли?..

– Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, жальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

– Я вам скажу всю истину, – отвечал я княжне, – не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю...

Ее губы слегка побледнели...

– Оставьте меня, – сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

Если бы смысл повести «Княжны Мери» в самом деле мог быть объяснен через утверждение игры как содержания основной интриги, мнение Б.М. Эйхенбаума было бы безусловно справедливым: «Можно даже сказать, что заглавие этой исповеди («Княжна Мери») кажется странным, лишним: это дневник, в котором Вера, в сущности, играет более серьезную роль, чем княжна Мери» [4: 248].

Однако сюжет обольщения, строящийся на ситуации игры и соответствующей интриги, имеет глубинные духовные основания и встроен в нравственно-философский дискурс повести; начало его намечается в евангельской аллюзии «Там был колодезь Иаковлев...» [Иоанн: гл. 4], и завершение в последней встрече героя с княжной Мери:

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

– Я вас ненавижу... – сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел» [1, VI: 337–338].

Отмеченный дискурс нуждается в разъяснении.

Две фразы в начале повести, произнесенные по-французски Грушницким и Печориным, отмечают завязку конфликта и определяют жанрово-стилевую, деятельностную, мировоззренческую перспективу развития сюжета, но главное – его духовное содержание. Именно в них следует искать ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи: «Зачем я так упорно добиваюсь любви?..». Грушницкий говорит: «Мой милый, я ненавижу людей для того, чтобы не презирать их, ибо иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом». Печорин отвечает ему структурно идентичной, но иной по содержанию декларацией: «Мой милый, я презираю женщин для того, чтобы их не любить, ибо иначе жизнь была бы слишком смехотворной мелодрамой». Конечно, обе фразы обусловлены сюжетной ситуацией, предполагающей соперничество и необходимой для игры в обольщение, которая будет исчерпана, когда Печорин «переведет» взор княжны Мери с Грушницкого на себя. Между тем деятельностная, или событийная, составляющая сюжета в глубине своей обусловлена движением темы, идейные параметры которой названы в приведенных декларациях и составляют отношения ненависти, презрения и любви. Заметим, что декларации Грушницкого и Печорина содержат общее слово – «презрение», получающее в повести концептуальное значение. Два других концепта – «ненависть» и «любовь» – различают героев по этическому признаку: у Грушницкого звучит претензия на ненависть, фраза Печорина, по сути, исполнена горечи, словно он возводит только что пережитый конкретный негативный опыт в обобщающую формулу о недостижимости любви. Объединяет героев в рассматриваемом эпизоде страх. Грушницкий боится правды о себе, т. е. осознания того, что он герой не романа, а фарса, основу которого составляет в данном случае комическая претензия представиться не тем, кто он есть; дело здесь не ограничивается лишь подменой презрения на ненависть – развитие образа Грушницкого сопровождается и другими самообманами, как, например, скрываемое юнкерство или «разоблачение» шинели и облачение в офицерский мундир. Печорин же боится оказаться втянутым в мелодраму, т. е. подмены любви любовными отношениями, поэтому его слова о презрении к женщинам означают и признание своего вынужденного положения в мире без любви.

В литературе отмечалось, что «особенности и отличие лермонтовского романа те, что он построен по правилам драмы [6: 234], что «Герой нашего времени» «построен по законам драмы», «формируется на драматургической основе» [Недзвецкий: 5–20].

Это положение особенно справедливо по отношению к повести «Княжна Мери», представляющей собой многоплановое театрализованное действие, в котором Печорин выступает как сочинитель спектакля, его постановщик и исполнитель главной роли. Фразы Грушницкого и Печорина звучат в экспозиции к этому спектаклю, они же определяют его жанровые формы и содер-

жание. Благодаря отмеченному приему в поэтике Лермонтова утверждается, во-первых, стилевая корреляция жизни и искусства и, во-вторых, фундаментальный генетический признак жанра – он возникает на мировоззренческой основе и, развиваясь, специализируется как определенный инвариантный тип мироотношения.

Так, в «Княжне Мери» фарс строится на отношениях ненависти и презрения, мелодрама – на отношениях любви и презрения. По воле Печорина в комедии первого жанра суждено сыграть Грушницкому, второго – княжне. Оба должны изжить в себе, соответственно, фарс и мелодраму, другими словами – презрение как мироотношение. Следовательно, окончание спектаклей Грушницкого и княжны должно совпасть с моментом, когда героям открывается жестокая правда, что «человек должен начать с ненависти» [1, VI: 8]. В этом плане последние слова героев, обращенные к Печорину, призваны выразить эту правду. Грушницкий прозревает ее, восклицая: «Я себя презираю, а вас ненавижу»; продолжение этого признания: «Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...» [1, VI: 331] – свидетельствует не столько о ничтожестве и низости Грушницкого (таково первое и, впрочем, естественное восприятие этого героя, поскольку эти слова соответствуют стилистике его образа), сколько о силе ненависти, им обретенной. Сцена расставания Печорина с княжной ясно отвечает на вопрос о цели его обольстительной интриги. Печорин, – безусловно, не отдавая себе отчета, – добивается от нее ненависти к себе. Автор направляет это его безотчетное стремление и побуждает героя провести последнее испытание. Тот сначала шокирует княжну жестоким признанием: «Княжна, <...> вы знаете, что я над вами смеялся!.. Вы должны презирать меня», – пытаясь на этом психологическом фоне вызвать определенную реакцию. Затем Печорин обосновывает провоцируемую реакцию логически: «Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?..» [1, VI: 337] Герой, кажется, хочет услышать от девушки слова презрения, на самом деле ему нужно убедиться окончательно в ее полной ненависти к нему. Заключительный пассаж этой сцены требует особого комментария. Слова княжны «Я вас ненавижу...» сопровождаются и изменением ее внешнего вида («Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали»). Сочетание внешнего и внутреннего показало, что желаемое достигнуто: глубина душевного переживания княжны и ее высокое преображение вызвали в герое столь же высокое уважение, благодарность и почтение. Этим объясняется и не вполне, казалось бы, адекватное ситуации поведение героя: «Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел» [1, VI: 337–338].

Позитивный эффект ненависти Грушницкого и княжны Мери состоит в следующем: они исторгают (исторжение из мира и есть цель и суть любой ненависти) из себя зло, которое воплощено для них в Печорине и предъявлено через него. Следует отметить в этой связи, что очевидная жестокость Печорина осложняется мотивом жертвенности человека, решившегося быть ненавидимым. Главным результатом этой жертвенности явилось то, что в Грушниц-

ком в последнюю минуту его бесславного существования обнаружилась воля к возрождению, а в княжне Мери в ее ненависти – воля к любви.

Отношения *ненависть – любовь* представили глубинную структуру смысла повести, атмосферой презрения проникнут «внешний» сюжет. Нравственно-философский аспект рассматриваемой проблематики может быть сформулирован в следующем обобщении: жизнь людей в презрении проходит вне понимания антиномий ненависть / небытие – любовь / бытие, поэтому и человек, живущий в презрении, оказывается посторонним, т.е. вне выбора «за» или «против» [Москвин: 333–335].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.; Л., 1957.
2. *Москвин Г.В.* Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007.
3. *Герштейн Э.Г.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1976.
4. *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. М., 1961.
5. *Недзвецкий В.А.* «Герой нашего времени: становление жанра и смысла // Известия РАН. Серия литература язык. Т. 56. № 4. С. 3–20.
6. *Фишер В.М.* Поэтика Лермонтова // Венок Лермонтову. Юбилейный сборник. М.; Пг., 1914. С. 234.
7. *Москвин Г.В.* Ненависть, презрение, любовь // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 333–335.

Сведения об авторе:
Георгий Владимирович Москвин,
канд. филол. наук
доцент
кафедра истории русской литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Georgij V. Moskvin,
PhD
Docent
Department of History of Russian Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
georgii_moskvin@mail.ru